Учитывая, что обвинительный приговор по делу Крыленко основан на недостаточных и противоречивых доказательствах, Прокуратура СССР считает возможным внести протест в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора по делу Крыленко и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[19].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 117–118. Подлинник. Машинопись.

№ 21

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ П. П. ПОСТЫШЕВА*

19 мая 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с заявлением Постышева Б. П. Прокуратурой СССР проверено дело его отца – Постышева Павла Петровича.

Проверкой установлено:

Постышев Павел Петрович, 1888 года рождения, бывший член КПСС с 1904 года, бывший второй секретарь ЦК Компартии Украины, а затем – секретарь Куйбышевского обкома КПСС, был арестован 21 февраля 1938 года и 26 февраля 1939 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР в составе Ульриха, Дмитриева и Суслина осужден к расстрелу.

Постышев признан виновным в том, что он с 1934 года являлся членом центра контрреволюционной право-троцкистской организации, действовавшей на Украине, и вместе с Косиором и другими участниками организации проводил вредительско-подрывную деятельность.

Постышев признан виновным также в том, что он с 1920 года являлся агентом японской разведки, которой до дня ареста передавал сведения, составляющие государственную тайну СССР.

На предварительном следствии и в суде Постышев виновным себя признал, однако изложенные в протоколах допроса Постышева факты при проверке не подтвердились.

Так, в «показаниях» Постышева указано, что по контрреволюционной работе он лично был связан с Балицким В. А., Косиором С. В., Якиром И. Э., Чубарем В. Я., Поповым Н. Н., Мусульбасом И. А. и другими участниками антисоветской организации на Украине.

Как установлено проверкой, Балицкий не только не назвал Постышева в числе участников контрреволюционной организации, а наоборот, показал о том, что в плане вооруженного переворота, который он обсуждал с Якиром, предусматривался арест, наряду с другими руководителями партии и правительства, также и Постышева.

Осужденный Пятаков Ю. Л. показал, что со слов участника контрреволюционной организации Логинова В. Ф. ему было известно о подготовке на Украине ряда террористических актов, в том числе и над Постышевым.

* На первом листе записки имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. 21.V.55. В. Малин». – Сост.

Осужденные Мусульбас И. А. и Сараджев А. Х. подтвердили о том, что участники троцкистской организации на Украине готовили убийство Постышева.

Бывший секретарь ЦК Компартии Украины Попов Н. Н. показал, что он, Балицкий и Якир пытались использовать Постышева в своих антисоветских целях, но это им сделать не удалось.

Якир И. Э. никаких показаний в отношении Постышева не дал.

Косиор С. В. в начале следствия назвал Постышева в числе участников военного заговора на Украине, затем от этих показаний отказался, а впоследствии снова их подтвердил.

В деле Косиора имеется заявление Антипова Н. К., в котором он утверждает, что между Косиором и Постышевым были весьма ненормальные личные отношения и что Постышев не входил в общий центр контрреволюционных организаций на Украине.

При таком положении показания Косиора о Постышеве вызывают серьезные сомнения в их правдоподобности.

В числе участников контрреволюционной организации в «показаниях» Постышева указаны Косарев А. В., Демченко Н. Н., Сухомлин К. В. и Лаврентьев Л. И.

Как установлено в настоящее время, дела по обвинению Косарева А. В. и Демченко Н. Н. были сфальсифицированы и оба они в настоящее время реабилитированы[20].

Сухомлин К. В. при рассмотрении его дела в суде виновным себя не признал, от данных на предварительном следствии показаний отказался и заявил, что он оговорил 61 человека, о виновности которых ему ничего неизвестно[21].

Лаврентьев Л. И. никаких показаний на Постышева не дал.

Не нашло своего подтверждения и обвинение Постышева в шпионаже, которое основано только на его личных показаниях.

На предварительном следствии Постышев показал, что шпионскую связь с японской разведкой он осуществлял через работников восточного отдела Наркоминдел СССР Мельникова Б. Н., Козловского Б. И.

Как установлено проверкой, Мельников Б. Н., признавая себя виновным в связях с японской разведкой, никаких показаний о Постышеве не дал, а Козловский Б. И. вообще не арестовывался.

Таким образом, «показания» Постышева о его контрреволюционной деятельности на Украине и связях с японской разведкой не нашли своего подтверждения и, как установлено в настоящее время, они были сфальсифицированы органами НКВД.

По этому вопросу бывший следователь Церпенто К. И. (осужден за фальсификацию дел), в своем рапорте на имя Наркомвнудел СССР, еще до осуждения Постышева писал:

«Заявление Постышева и тот протокол допроса, который теперь очевидно в ЦК, были написаны по распоряжению Лулова мною и Визелем, без участия Постышева и без его признания вины. Постышев в первый раз узнал содержание „своих показаний“ в то время, когда они ему были даны на подпись. Правда, отчасти эти показания Постышеву намекались Бубновым, подсаженным для этой цели в камеру к Постышеву. Бубнову было поручено „подготовить“ Постышева к подписанию его „собственных“ показаний. Все эти факты легко проверить. Надо вызвать Постышева и Бубнова и поговорить с ними. Нужно при этом учесть только то, что Постышев предупрежден Луловым о возможности вызова его к наркому, где его будут „экзаменовать“ в том, достаточно ли крепко он стоит на тех позициях, которых „требует от него партия“».

Прокуратура СССР считает возможным внести протест на приговор Военной

Коллегии Верховного Суда СССР по делу Постышева Павла Петровича на предмет прекращения его дела и посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 135–138. Подлинник. Машинопись.

№ 22

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И В. В. ЛУКЬЯНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. Ф. ГИКАЛО*

25 мая 1955 г.

ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС, в связи с жалобой Чижовой Н. Е., Прокуратурой СССР проверено ее судебное дело и дело ее мужа Гикало Н. Ф.

Проверкой установлено:

Чижова Наталья Евгеньевна, 1897 года рождения, до ареста – старший научный сотрудник Украинского музея революции, член КПСС с 1919 года, была арестована 1 ноября 1937 года и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 16 мая 1938 года осуждена к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет за то, что ее муж Гикало Н. Ф., бывший I секретарь ЦК Компартии Белоруссии, был осужден за контрреволюционную деятельность к расстрелу.

К моменту ареста Чижовой Н. Е. в органах НКВД данных о совершении ею какого-либо преступления не имелось и осуждена она была неправильно.

9 февраля 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР, по протесту прокуратуры, решение Особого Совещания в отношении Чижовой Н. Е. отменила и дело в уголовном порядке прекратила, за отсутствием состава преступления.

Чижова Н. Е. полностью реабилитирована и 26 февраля 1955 года восстановлена в рядах партии.

Гикало Николай Федорович, 1896 года рождения, бывший член КПСС с 1917 года, бывший секретарь ЦК Компартии Белоруссии, до ареста – секретарь Харьковского обкома и член Политбюро ЦК Компартии Украины, кандидат в члены ЦК КПСС, – был арестован 11 октября 1937 года и 25 апреля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР в составе Матулевича, Зарянова и Ждана осужден к расстрелу.

Гикало признан виновным в том, что он являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической организации и, работая первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, установил преступную связь с Голодедом, Червяковым и Уборевичем, – вместе с которыми проводил антисоветскую деятельность.

Кроме того, Гикало признан виновным также в том, что он, с 1921 года, являлся агентом английской разведки, которой до дня ареста передавал сведения, составляющие государственную тайну СССР.

* На первом листе записки имеется колонка подписей: «За – Н. Булганин, За – К. Ворошилов, За – Л. Каганович, За – Г. Маленков, За – А. Микоян, За – В. Молотов, За – Первухин, За – Н. Хрущев». – Сост.

В настоящее время установлено, что Гикало был осужден по непроверенным материалам, а его показания о контрреволюционной деятельности, которые он давал на предварительном следствии и подтвердил в суде, не соответствуют действительности.

На предварительном следствии Гикало заявил, что в 1933 году Уборевич информировал его о существовании в Белоруссии контрреволюционной организации, возглавляемой Голодедом и Червяковым, и о наличии в стране военного заговора. В том же 1933 году, как показал Гикало, он установил преступную связь с Голодедом и Червяковым, и в дальнейшем вместе с ними проводил контрреволюционную деятельность.

Как установлено проверкой, Уборевич никаких показаний о своих преступных связях с Гикало, Голодедом и Червяковым не дал. Больше того, Уборевич заявил, что о существовании антисоветского военного заговора он узнал только в 1935 году от Тухачевского.

Следовательно, в 1933 году Уборевич не мог информировать Гикало о военном заговоре, так как в то время сам еще не знал о нем.

Осужденный за участие в военном заговоре Якир И. Э. показал, что Уборевич был в плохих отношениях с Гикало и что с националистической организацией, руководимой Голодедом, Уборевич связь установить не успел.

Осужденные за участие в антисоветской право-троцкистской организации в Белоруссии: бывший наркомзем Бенек К. Ф., бывший наркомфин Куделько-Чарот М. С., бывший наркомпрос Дьяков А. И. и другие на предварительном следствии охарактеризовали Гикало, как стойкого большевика, неуклонно проводившего генеральную линию партии, и показали, что назначение его первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии участниками контрреволюционной организации было встречено враждебно, что Голодед, Шарангович и их сторонники вели с ним активную борьбу, старались скомпрометировать Гикало и добиться его отзыва из Белоруссии, что на совещаниях участников контрреволюционной организации высказывались даже предложения о совершении террористического акта над Гикало.

Таким образом, показания Гикало о его участии в контрреволюционной организации и антисоветских связях с Голодедом, Червяковым, Уборевичем, Куделько-Чарот и др. опровергаются материалами дополнительной проверки и поэтому не могут быть приняты в качестве доказательств его вины.

О принадлежности Гикало к контрреволюционной организации дали показания осужденные Рубинштейн, Арабей, Августайтис, Антипов, Бурачевский и Поссе, однако эти показания были получены от них в основном только после ареста Гикало, и они не внушают доверия, как в силу своей противоречивости, так и потому, что опровергаются показаниями Бенека, Шестакова, Куделько-Чарот и другими материалами.

Не нашло своего подтверждения и обвинение Гикало в шпионаже.

Гикало на предварительном следствии показал, что для шпионской работы в пользу английской разведки он был завербован в 1921 году майором Коутс, что в последующие годы он поддерживал связь с резидентами английской разведки в Москве Джоном Клэр, Альбертом Ульрехом и Зинаидой Вознесенской, с которыми встречался в московских гостиницах, а некоторых из них принимал даже у себя в кабинете в здании ЦК Компартии Белоруссии.

Принадлежность перечисленных в показаниях Гикало лиц к английской разведке при проверке не подтвердилась.

Все это дает основание сделать вывод о том, что Гикало в ходе предварительного следствия давал вымышленные показания и что осужден он был необоснованно.